тельность П. Л. Шиллинга — изобретателя электромагнитного телеграфа (стр. 71—85). На стр. 185 в связи с идеями Пушкина о «вечном мире» упоминаются проекты этого рода Карамена, Канта, Гутьера, Ламотта и многих других (стр. 185). И каждый вопрос М. П. Алексеев рассматривает на основе изучения всей предшествующей научной литературы. Это и позволяет ему «гарантировать» новизну тех выводов, которые он делает. В статье «Ремарка Пушкина „Народ безмолвствует"» М. П. Алексеев очень подробно излагает точки зрения различных исследователей на эту ремарку, но именно такое построение статьи дает ему возможность выдвинуть собственные, оригинальные положения.

Выскажем несколько соображений, возникающих при чтении книги М. П. Алексеева. В статье «Пушкин и Шекспир» автор говорит о пушкинской характеристике Фальстафа, относящейся к 30-м годам, и делает вывод, что Пушкину, вероятно, был доступен в это время английский текст шекспировской хроники «Генрих IV» (стр. 271). Но стоило бы упомянуть еще об одном факте, связанном с этой хроникой. 4 декабря 1825 г., после смерти Александра I, Пушкин писал Катенину о предполагаемом вступлении на престол великого князя Константина Павловича: «В нем очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминают Генриха V» [1]. По всей вероятности, говоря о «бурной молодости» Генриха V, Пушкин имел в виду образ принца Гарри из той же исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV» и вообще знал о ней именно из этого источника. Встает вопрос: не был ли ему известен английский текст шекспировской хроники уже в 1825 г.?

М. П. Алексеев спорит с теми исследователями, которые называют лицейское стихотворение Пушкина «Роза» «законченным художественным выражением жизненной философии Пушкина», и считает это стихотворение для него «случайным» (стр. 342 и 343). Нам кажется, что это элегическое стихотворение не являлось все же только литературным упражнением; оно даже было связано с любовью юного Пушкина к Е. П. Бакуниной. Слова стихотворения «Увяла роза // Дитя зари. // Не говори: // Так вянет младость» находят очень близкое соответствие в строках, навеянных влюбленностью Пушкина в Бакунину, «Элегии» («Счастлив, кто в страсти»): «Цвет жизни сохнет от мучений!.. // Печально младость улетит, // И с ней увянут жизни розы» [2]. Стихотворение «Роза» датируется (предположительно) 1815 г., а «Элегия» — 1816 г. [3]. То, что «Роза» входила в «Бакунинский цикл» [4], конечно, еще требует многих дополнительных подтверждений (не олицетворял ли Пушкин в образе лилии свою юношескую неувядающую любовь к чистой и скромной девушке с ее «нежной красотою» [5] в заключительных строках стихотворения: «И на лилею // Нам укажи»? Ведь и посвященная Бакуниной «Элегия» с ее размышлениями о быстротечности жизни заканчивалась мотивом торжества любви в душе поэта: «Но я, любовью позабыт, // Любви не позабуду слезы!»). Но важнее другое: близкие не только по образам, но и по времени «Роза» и «Элегия» выражают серьезные и глубоко прочувствованные элегические настроения, очень часто и очень сильно звучащие в лицейской лирике, хотя и имевшие по своей форме несколько «литературный» оттенок.

В самой ранней статье М. П. Алексеева (из числа включенных в книгу) «Заметки о Гавриилиаде» автор, характеризуя отношение Пушкина к религии, приводит слова, записанные им в кишиневский дневник 9 апреля 1821 г.: «Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse». (Сердцем я материалист, но мой разум этому противится). Параллелью к этому высказыванию М. П. Алексеев правильно считает похожий на него черновой стихотворный отрывок Пушкина «Ты сердцу непонятный мрак» (стр. 308). Но все же стоило бы указать, что французский текст в дневниковой записи Пушкина принадлежит не ему, а Пестелю, с которым поэт вел «метафизический», т. е. философский, разговор в Кишиневе. Пушкин записал слова Пестеля о религии из этого разговора, и об этом уместно было бы сказать, тем более что в пушкинском стихотворном отрывке развита не совсем та мысль, которую высказывал Пестель: поэт не приемлет «непонятный мрак» не только разумом, но и сердцем.

В статьях М. П. Алексеева — одного из самых крупных филологов нашего времени — огромный материал освещается с единых научных позиций. Эти статьи органично дополняют фундаментальные монографии того же автора: «Стихотворение Пушкина „Я памятник себе воздвиг"» и «Пушкин на Западе». В книге, где эти статьи собраны воедино, особенно ясно видна их нужность и большая ценность.

Н. В. Фридман

---

[1] Пушкин А. С. Полное собр. соч. Изд-во АН СССР, т. 13, стр. 247.

[2] Ср. слова из другой, более поздней (1817 г.) пушкинской «Элегии», посвященной Бакуниной («Опять я ваш, о юные друзья!»): «Опали вы, листы вчерашней розы! // Не доцвели до утренних лучей... // И вяну я на темном утре дней».

[3] См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, I, стр. 89, 108.

[4] См. об этом цикле там же, стр. 77.

[5] Слова Пушкина о Бакуниной из стихотворения «Наслаждение» (1816).